

НА СОИСКАНИЕ  
ЛЕНИНСКОЙ  
ПРЕМИИ

**РАДОВАТЬСЯ** успеху своего коллеги, товарища по профессии — свойство людей высокой нравственной пробы.

— Послушай, «Калину» видела? — кричал в телефонную трубку Сергей Павлович Урусевский, обладавший и этим замечательным даром: воспринимать появление талантливой картины («картинки», любил он говорить) как личный праздник. — Нет?! Надо бросить все дела и бежать смотреть. Это такой урок правды... А какая натуральная актриса — с ума сойти!

Ошеломляющее впечатление вызвала «Калина красная». И — дело прошлое — далеко не одинаковое у всех. Почтовые ящики «Мосфильма», квартиры Шукшина, редакций газет ломались от писем.

Живые отношения сложились у художника с его многомиллионным зрителем и читателем. Отпал, как беспредметный, спор о том, что же превалирует в его таланте — писатель, артист, режиссер? Откристаллизовалось имя собственное — Василий Шукшин. «Калина красная», где его личность проявилась с наибольшей силой и полнотой, не открыла, а подытожила непреложный факт принадлежности искусства Шукшина к высшим духовным ценностям нашего времени.

...Остающимся всегда достается в наследство пожизненное чувство некоей вины перед тем, кто уходит.



«Калина красная», Егор Прокудин — В. Шукшин, Люба — Л. Федосеева

Речь не о том — по Твардовскому, — что ты «...мог, но не сумел сберечь, — речь не о том, но все же, все же, все же...». Иным это, в общем-то, естественное человеческое чувство еще мешаешь взяться за перо. Не случайно, думаю, пока не обнаружат своих воспоминаний наиболее близкие ему люди — по жизни, по любви и ненависти, по

совместной работе. Другие, наоборот, спешат воздать должное; количество статей как-то даже настораживает. Стали появляться увесистые рукописи о Шукшине. Но для того, чтобы получить право на книгу о нем, надо иметь серьезные основания. А то уже и так нагородили: он любил сравнивать жизнь с песней, и сам прожил жизнь, как песню пропел.

Нет, не сравнивал он жизнь с песней. Это своему Егору Прокудину он позволял «от полноты чувства... иногда взбежать повыше — где обитают слова красивые и пустые». В своей же собственной жизни он не разрешал ничего необязательного. В том числе и необязательных слов. Он жил в мучительном недовольстве самим собой, испытывая неубывающее ощущение своей задолженности — перед землей, его родиной, перед каждым человеком, чью душу надо

способностью воспринимать настоящее в глубинных связях с прошлым и будущим. — Он не мог не выразить своего современника. Не от того ли все время кажется, что он угадал и твои мысли? И как-то трудно представить себе, что ты с ним — одного поколения. Настолько превосходит он тебя старшинством ума и мудростью души.

Может быть, душа — слово не научное. Но Шукшин употребляет его чаще других и вкладывает в него отнюдь не абстрактный, мистический смысл. Это — его мерка человечности. «Спроси... кого я ненавижу больше всего... Я отвечаю: людей, у которых души нету. Или она поганая!» Душа «не понимает, для чего я ее таскаю, и болит». Ведь «человек — это... нечаянная, прекрасная, мучительная попытка природы осознать самое себя».

Как и Егор Прокудин, Шукшин смолodu «тянулся

ся не в одной парадоксальности, неожиданности, незаданности. Но все дело в том, что без этих шукшинских резностей, без — до обалдения! — круглых проявлений, без ошеломляющих зигзагов не было бы и шукшинской определенности. Мужество собственной интерпретации Разина, которому писатель отдал всю свою сознательную жизнь, состояло тоже и в том, что он осмелился примерить Стеньку на себя (или себя на Стеньку?). Шукшин начинается там, где жизнь он пропускает через себя.

Герои Шукшина чужаются громких слов и не очень доверяют тем, кто проносит их легко и бойко.

теристикой: «Прислужник несчастный! Пережиток! Гад подколодный!..» Возможно, что очень субъективно, но не могу отделаться от ощущения необычайного родства Шукшина и Твардовского. (Даже названия и те сходятся: «Как помирал старик» — у одного; «Мне памятно, как умирал мой дед...» — у другого...) Есть у поэта стихотворение «Новая земля».

И нужен срок,  
чтоб здесь окорениться,  
Чтоб жизнь  
иною памятью облечь,  
И новым детям  
нужно здесь родиться,  
И должно дедам  
в эту землю лечь...  
Вот, собственно, тема  
«Калины», как толкует ее

веческий совет зрителю — помнить о своей нравственной ответственности. За все. За всех.

— Да, начинаю ставить Разина. Рукопись романа сдал, жду. Это, собственно, тоже продолжение темы. Крестьянство, только триста лет назад. Разин поиман народной памятью как неповторимо яркий, сильный, могучий крестьянский заступник. Человек, замкнувший свои интересы в крестьянскую боль и чаяния... Сложная судьба. Какое мужество — взять и объявить: «Я пришел дать вам волю». И какая драма ответственности. Перед собой. Перед людьми... Десять лет жизни моей ушло на изучение. Осмелился на собственную интерпретацию...

Как и все, что сыграл, поставил и написал Шукшин, роман о Разине в известном смысле автобиографический. Те же проблемы, те же вопросы. И как же нужно, чтобы больше было людей, «у кого болит сердце не за себя одного».

От маленьких рассказов, где он и сам порой словно убеждает нас, что это все, мол, так, печки-лавочки, как мистифицирует на университетской трибуне трагикомист Иван в фильме «Печки-лавочки», тот самый человек, «у кого болит сердце не за себя одного», дальними — сознательными и чисто интуитивными путями — Шукшин все шел, шел и к пушкинской простоте, и к толстовской мудрости, и к грустному юмору Чехова, и к сложности Достоевского. Но это проблема отдельная.

...Вот и перевернута последняя страница еще одной книжки. Здесь напечатана озорная и грустная «Сказка про Ивана-дурака, как он ходил за тридевять земель набирать ума-разума». С третьими петухами вернулся из путешествия Иван-дурак, и в библиотеку вошла уборщица тетя Маша. Разгоряченные спорами персонажи русской классической литературы вскопили на свои полки и замерли. Только лихой казачий атаман не успел прихватить нечаянно оброненную шапку.

Так и осталась она, Стенькина шапка, неподнятой.

Когда Шукшин дописывал про эту шапку, к одной из дверей на «Мосфильме» прибывали табличку: «Съемочная группа «Степан Разин»».

Что случилось дальше — известно.

А потом, через несколько месяцев, вышел роман «Я пришел дать вам волю», где открылся нам еще один Шукшин. Впрочем, это так и не так. Его фильмы «Печки-лавочки», «Калина красная», киносценарий о Степане Разине, выдвинутые на соискание Ленинской премии, его книги — как сообщающиеся сосуды — очень трудно разделить друг от друга. Слово и впрямь изображенное (или прожитое?) «враз сплелось и сцепилось» в одну огромную жизнь...

# ИМЯ СОБСТВЕННОЕ

Галина  
КОЖУХОВА

## ВАСИЛИЙ ШУКШИН-ПИСАТЕЛЬ, РЕЖИССЕР, АКТЕР

облегчить пониманием, страданием.

...В чем же еще — кроме всенародного признания — итоговость «Калины красной»? Это некая иная степень сложности осмысления темы деревни — единственной его земли, ибо именно там «как будто вдруг — в какую-то минуту — стали громадные, вольный и

к людям, очерченным резко, хоть иногда кривой линией, но резко, определенно». В чем же она — шукшинская определенность оценки людей? При всем неохватном многообразии проявлений человеческой психологии есть здесь четкий водораздел: Шукшин всегда с теми, кого унижает мельтеша перед глазами, кто «эти деньги... вполне презирает».

Мечты, заботы и порывы шукшинского человека простираются над Вселенной. Подарить человечеству вечный двигатель. Салютовать в честь того, что где-то на земном шаре кому-то пересаживают сердце. Если во Вьетнаме рвутся бомбы — так это просто его личное дело. Или вдруг срывается он и бежит к учителю сына выяснять: птица-тройка! А кто же в ней едет-то? Этот прохиндей и жулик Чичиков? Как же жить-то с такой мыслью?..

Словом, если взять изображаемую им жизнь «на прострел» — да здравствует в ней Бескорыстие! Симпатии художника — на стороне бескорыстности и бескорыстия. Само собой, не в одних только крайностях и беспощадности он выражен, шукшинский характер. Да, парень способен сбегать из тюрьмы, не досидев неделю, сознавая, что получит он за «самоволку» еще год-другой. Но цена-то какая: вдохнуть родной деревенский воздух, да пройтись разок по избе забытыми еще «коленцами» дедовской пляски.

Абсолютные нравственные ценности, опорные свойства русского характера, конечно же, проявляют

В этом они тоже похожи на самого художника, с особой бережностью расходовавшего слова, когда речь шла о святом, сокровенном. Простудите, например, как проходит по страницам Шукшина тема войны. «Хоть невысок ростом, но какой-то очень надежный, крепкий сибирячок, каких запомнила Москва 1941 года, когда такие вот, ясноглазые, в белых полубухках день и ночь шли и шли по улицам, одним своим видом успокаивая большой город». Кажется, это — самое «громкое», что позволил себе Шукшин сказать о времени великой народной беды, великого народного подвига. Надежный — это понятно. Так же коротко и ясно выразился когда-то Василий Теркин, русский труженик-солдат: «Ну, война — так я же здесь».

Так и в мирные дни. Работник. Мастер. Он делает высокие дела без лишних слов. Если же и вырвется вдруг у кого из них высокая фраза, то как единственно необходимый аргумент, за которым последуют самостоятельные выводы. Помните: долго обрабатывал парень лысого дядю «с портфелем» — и закивал, и подбадривал: надеялся, что добудет при его помощи два коленчатых вала (машина простаивает). А тот возьми да начни «выкачать»: это ему, видите ли, не нравится... «Сена менялся на глазах — темнел. — Почему, интеллигентно, в коммунизм не веришь? — переспросил он. — Ты только не ори, — сказал лысый... А валы мы достанем». Нет, от такого типа даже валы не нужны, и выскакивает лысый из закуской под Сенину харак-

сам автор. Люди уходят и будут уходить из деревни — это обусловлено многими историческими и социальными процессами. Но уходило, а что дальше? Что потеряешь и что приобретаешь ты на новой земле, в городе? С одной стороны — не утратить того традиционного, истинного, что веками накоплено крестьянством, воспитано самой природой, общением с рекой, лесом, животными, птицами. Не ронять своего достоинства. Не стыдиться собственной речи, не заменять ее стертым «сорочим» языком. Не брать на веру поддельные ценности. И вместе со всем этим — обязательно окорениться, обрести новые нравственные опоры, такие же прочные, как те, что завещаны дедами. В противном случае даже в столице ты лишь пополнишь ряды обывателей, а то и хуже, как случилось с Прокудиним из «Калины красной». Сжег мосты к тому, что оставил позади, а почву так и не нащупал. Спыхватился — да поздно, уже не поправишь».

— Вопросы совести в обществе должны стоять высоко и дорого. Совесть, совесть, совесть, — это звучит магнитофонная запись одного из последних интервью. Шукшин, как всегда, говорит тихо, вслушиваясь в себя, ища ответы и на вопросы корреспондента, и на те, что — это так явно — много раз он задавал себе сам. — Егор Прокудин ушел от корней, от истоков, от матери. Это гибель нравственная. Меня волнует здесь момент расплаты. Очевидно, мы и в самом деле за все должны платить жизнью. Мой чело-